

Вот Он пришел. Бедный, не совсем здоровый, не признанный Москвой, где стучался во все двери. Вместе с Георгием Александровичем мы посмотрели его в фильме "В окопах Сталинграда". В роли Фарбера явно проступала незаурядность. Да и весь его облик! Как не увидеть?! Что-то влекущее, еще не сбывшееся, но загадочное, нежное. Когда С.Бирман и С.Гиацинтова увидели его в Мышкине, как они каялись, что не разглядели артиста! Никто не утверждает, что они должны были дать ему Мышкина (на это нужен был Товстоногов), но просто взять в труппу...

Не берусь утверждать, что все определяет лицо. По-разному бывает. А меня все время мучает загадка лица Смоктуновского — молодого. Меня до сих пор поражает, как, глядя в такое лицо, не угадать таланта. Вероятно, боязнь ошибки сильнее смелости интуиции. И не угадывали. Даже тонкие, артистичные натуры. Бывают такие лица. Как потом словами Мышкина говорил Иннокентий Михайлович — "Я недавно в мир пришел. Я только лица вижу". Такое лицо было у Владимира Яхонтова. Не красота, а что-то другое, глубокое, тонкое, больше красоты, а, может, это и есть сама красота?

Однажды, очень давно, В.Н.Яхонтов опаздывал на свой концерт в Ленинградский Дом писателей. Мы все равно не уходили, ждали — час, два, три. Вдруг я увидела, что он стоит в зрительном зале, прислонившись к камину, и глотает мандариновые дольки, быстро, дольку за долькой. Серое лицо, какой-то отсутствующий взгляд, — страшное похмелье мучило его. Постепенно он приходил в себя, лицо немного побелело, он поднялся на сцену и сразу стал играть свой шедевр — "Настасью Филипповну". Это была лучшая Настасья Филипповна из всех, что довелось видеть. Он играл, не двигаясь, сидя в кресле. Именно играл, а не читал! Его лицо стало отчаянно красивым, вдохновенным. Немного выдающийся подбородок, мужские, красивые губы, огромные глаза, тонкая, чистая кожа.

Это впечатление тоже было связано с Достоевским.

Такое лицо было и у Смоктуновского. Но он вдохновлялся без похмелья, едва выйдя на сцену, и страшно подумать, что этого могло не быть, несколько раз случайность побеждала "Идиота". В самом начале, когда все-таки выбрали это название, пригласили на постановку режиссера Ланге. Товстоногов сам этого ставить не хотел, не помню, почему, и пригласил своего друга, режиссера из Прибалтики. На роль Мышкина был назначен талантливый артист Пантелеймон Крымов. У него был один недостаток — он много пил и как-то всегда не ко времени. Или после большого успеха или в канун интересной, ответственной работы. На первую репетицию "Идиота" Крымов не явился и был уволен. Работа над "Идиотом" прекратилась, но никто не хотел с этим смириться. Многие артисты делали заявки на роль Мышкина, однако, Г.А. их отвергал. И все-таки название "висело", хотя режиссер сразу уехал. Тут у Г.А. пробудился личный режиссерский интерес к этому произведению, но он не видел в труппе БДТ Мышкина.

Это был 1957 год, театр уже завоевывал популярность и многие артисты БДТ стали сниматься в кино. Однажды наши артисты Е.Лебедев, В.Стржельчик и Б.Рыжухин пришли к Товстоногову и сказали, что видели на студии Ленфильма парня, который им показался "похожим" на князя Мышкина. Его зовут Кеша Смоктуновский, ему лет 30 и он снялся в фильме по Некрасову.

Первое свидание Георгий Александрович назначил Смоктуновскому в моем кабинете. Иннокентий Михайлович пришел чуть раньше, вид у него был нездоровый, неухоженный (где он тогда жил? я не знаю, жена была в Москве). Вскоре пришел Г.А., они говорили не-

Загадка лица Смоктуновского

Записки завлита

Дина ШВАРЦ

Эта статья Дины Морисовны Шварц, написанная для сборника памяти Иннокентия Смоктуновского (он выходит в издательстве "Искусство"), одна из ее последних. Увидеть актера так, как увидела его она, и рассказать о нем так, как она, мог только человек, тонко чувствующий и любящий театр. Недаром Г.А.Товстоногов, с которым Д.Шварц проработала не один десяток лет, ценил ее высочайшим образом.

БДТ сиротеет — меньше чем за год ушли Евгений Лебедев, Валентина Ковель и вот теперь Дина Шварц.

долго. Товстоногов, как всегда, был лаконичен и деловит, как будто все уже было решено.

— Мне кажется, — примерно так сказал Г.А., — у вас есть данные сыграть роль Мышкина. Мы с вами начнем все с самого начала, сами сделаем инсценировку, потому что все существующие нас не устраивают.

— Да что вы? Я не смогу... Ни за что...

— А вы читали роман?

— Да, конечно, я его очень люблю, и Мышкин мне нравится, но я не смогу... я не готов.

— Будем вместе готовиться, я тоже не готов. Но чем больше смотрю на вас, тем больше верю. У вас глаза Мышкина.

Примерно в таком духе шел разговор. Коснулись величия Достоевского, показавшего в Мышкине прекрасного человека, отнюдь не идиота. Наконец, Иннокентий Михайлович согласился попробовать. Начался долгий и мучительный процесс. Г.А. работал с перерывами, он уезжал, оставлял своего помощника Розу Абрамовну Сироту, которая, как всегда самоотверженно, отдавала артисту все, что знала, что умела, что чувствовала. Ей было нелегко. Несколько раз И.М. делал попытки отказаться от роли, писал какие-то заявления.

Все в театре понимали, что среднее, "незаметное" Мышкина быть не может. Инсценировка, разумеется, была неполной, как всякая инсценировка, но все строилось на Мышкина. На его пути на Голгофу. Титры из текста перемежались с монологами Мышкина, короткими, но которых обычно не было, например, монолог о "глазах", перед покушением на него Рогожина. То, что мы брали из романа, было очень подробно, по автору. Был, например, весь Павловск, на даче Лебедева. Даже когда Мышкин молчал, он все равно оставался в центре, мы должны были видеть каждый его шаг, каждый взгляд. И взгляд в зал — неожиданный всегда, обращенный к каждому.

Не нова мысль о воле случая. Но случайность в театре — особая тема. В истории с И.М.Смоктуновским она особенно велика.

Должна сказать, что все участники спектакля верили в Смоктуновского и внушали ему эту веру, особенно О.Г.Казико (она репетировала генеральшу Епанчину) и В.И.Стрельчик (Ганечка Иволгин). Но сам он сомневался постоянно, несмотря на то, что Р.А.Сирота основное время отдавала ему. И как-то она не выдержала и на узком совещании в кабинете директора попросила либо освободить ее от этой работы, либо снять с роли Смоктуновского, — она не верила, что сумеет добиться нужного результата. Она была весьма убедительна, и Г.А. решил дать роль другому артисту. Я не могла с этим согласиться, хотя понимала, что работа идет трудно, и сам И.М. не верит и хочет освободиться от непосильной ноши. Вероятно, Г.А. тоже чувствовал ущербность этого решения и назначил вечернюю репетицию — "Попробую еще раз". На этой вечерней репетиции и родился гениальный князь Мышкин и гениальный артист.

Не так часто мне доводилось наблюдать, как Товстоногов на прак-

тике применял метод физических действий или сценического анализа, а он свято исповедовал это великое открытие К.С.Станиславского. На этой вечерней репетиции с И.М. все это было. Наглядно, вочию. Не помню всех деталей, но то, что помню, меня поразило. Репетировалась сцена в кабинете генерала Епанчина, первое появление Мышкина в этом доме. Ганечка Иволгин приносит портрет Настасьи Филипповны. Увидев его, Мышкин отводит от него глаз и на вопрос, чем он так потрясен, отвечает: "В этом лице страдания много. Особенно эти вот две точки возле глаз".

Г.А. просил поставить портрет на стул, на другой стул, напротив, усадил И.М. Он попросил артиста ни на секунду не отрывая взгляд от портрета: "Вы будете смотреть на эту фотографию до тех пор, пока не заплачете". И.М. сел на стул и то отодвигал его от портрета очень далеко, то придвигался совсем близко и молчал, или повторял один и тот же текст. Ни за что нельзя было встать со стула, но артист был волен в пластике. И вдруг у И.М. рука пошла вверх и назад, как-то странно, потом это стало для него характерным жестом, голова тоже откинулась назад, весь он как-то изменился и уже совсем не думал о себе. Заработало подсознание, если можно так выразиться. Это продолжалось очень долго и без конца могло длиться. Оторваться от Смоктуновского было нельзя. И эта пластика, эти странные жесты, покрасневшие от сдерживаемых слез глаза. Все стало выражать огромное душевное волнение. Все стало единым — и внутренний, душевный мир и внешнее его выражение, все стало неожиданным и покоряющим.

"А хороша она, князь, хороша?" — спрашивали его. Он уже плакал. Здесь он увидел все — будущее, и ее и свое. Плакал молча, слезы текли по щекам.

"Да, хороша..." — отвечал он и дальше: "Если бы она была добра!" Сейчас, почти ежедневно, к месту и не к месту цитирую Достоевского

про то, что "красота спасет мир", как-то забывают, что рядом у него стоит "доброта", "добро", без чего красота бессильна исполнить свою миссию. Мышкин Смоктуновского искал эту доброту в красоте.

В эту вечернюю репетицию и возник тот Мышкин, который потряс зрителей в день премьеры 31 декабря 1957 года. Была еще огромная работа, но репетиции проходили с большим подъемом, все было ясно и естественно. Конечно, работа Р.А.Сироты не пропала даром, в бесконечных спорах, разговорах, репетициях многое подготавливалось, но на этой вечерней репетиции осенью 1957 года Г.А.Товстоногов дал мощный толчок для рождения Мышкина артистом Иннокентием Смоктуновским.

3 августа 1995 года по телевидению передача о Смоктуновском — годовщина со дня смерти. Неужели прошел год? В канун юбилея БДТ в феврале 1994-го я позвонила ему домой, чтобы пригласить в гости, на юбилей. Жена Соломея, Соломка, как мы ее звали, сказала, что Кеша в больнице — "Ничего страшного, профилактика, но приехать не сможет". Оказывается, дело было серьезное, жить ему оставалось полгода. Почему он ушел так внезапно и рано? Не пил, не курил. Правда, жизнь с детства была нелегкой — бедность, потом война, фронт, плен, ссылка, долгие скитания, неприкаянность.

Почти 40 лет я его знала. И не знала. Да и кто его знал по-настоящему? Может быть, только жена, любящая, верная, мать двоих его детей, мудрая, терпеливая. Да и он был ей верен всю жизнь, она ему очень помогала жить — и в огне и в воде и "в медных трубах".

На премьеру "Идиота" было не появление артиста Смоктуновского. Было — явление. Он проснулся знаменитым. Но еще до конца не осознавал, что произошло. И пока он не знал, что он — гений, пока ему этого не сказали, он играл гениально.

Когда князь Мышкин проходил по авансцене, один (такая мизансцена была установлена Г.А.Товстоноговым на протяжении всего

спектакля, между картинами), и, внезапно пораженный какой-то мыслью, останавливался и смотрел в зал, как бы спрашивая у каждого ответа или хотя бы совета, тут был шок, именно то "замирание", что выше аплодисментов, смеха и плача. Полная душевная открытость и незащищенность. И желание сделать добро. Мышкин шел куда-то конкретно, по делу, куда надо было по сюжету, по автору, и в то же время это был путь на Голгофу. Так в последний раз он вошел в дом Парфена Рогожина — "мрачно ты сидишь".

Оказывается, в то время людям нужен был такой князь Мышкин, который смотрит тебе одному в глаза, в душу, открывая тебе свою.

С помощью Мышкина театр пережил кульминацию нравственной высоты. Эта высота была неразрывно связана и с художественной ценностью **всего** спектакля.

О том, что он гений, первая поведала ему Раиса Моисеевна Беньяш. Это было во время обсуждения спектакля, Кеша стоял у камина. Он несколько смутился, заулыбался, ничего не сказал.

Вскоре после премьеры, а спектакль шел часто, мне позвонили из проходной: "К вам товарищ Достоевский". Конечно, мы были в состоянии некоторой эйфории, небывалый успех, связанный с Достоевским, это действует на любую нервную систему, особенно на меня, ведь я вместе с Г.А. работала над инсценировкой и погружалась в бездны гениальной воли. Была уверена, что меня разыгрывают, позвала свидетелей и сказала: "Ну, пусть войдет". И вошел — Достоевский, самый настоящий. Это был родной влук писателя Андрей Федорович Достоевский. Он был очень похож на деда, особенно взгляд, тяжеловатый, пронзительный. Потом я поняла, что Андрей Федорович сознательно подчеркивает это сходство. И письма свои он стилизовал "под дедушку", и в своих многочисленных обращениях и ходатайствах по поводу открытия музея (а он был главным инициатором) старался соблюдать этот особый стиль. Увы! он добился открытия музея, но не дождался самого факта открытия, царство ему небесное!

Андрей Федорович уже видел спектакль, который его потряс, но он попросил дать ему возможность посмотреть его еще раз и познакомиться с И.М. Не успела я их толком представить друг другу, как Андрей Федорович говорит: "Вы знаете, что вы гений?". Тут я поняла, что Кеша перестал быть нашим, он вышел в большой мир, что-то мне подсказывало, что мы недолго будем работать вместе. Да и что ему теперь играть? Он стал бояться следующей роли. У него появились собственные проблемы, знакомые никому в театре. А труппа была сильная, и Г.А.Товстоногов декларировал ансамблевость и полное подчинение общим интересам. Никто не хотел задумываться — а не сыграет ли Смоктуновский следующую роль хуже, чем Мышкина? Это очень сложный вопрос. Смоктуновского можно понять, и Г.А. всегда заботился о том, чтобы артист не повторялся. Но тут был особый случай. Лучше сыграть что-либо было невозможно.

В театре были планы, появились

такие пьесы, как "Синьор Марио пишет комедию", "Пять вечеров", "Иркутская история". В этих спектаклях Кеша играть не хотел и все-таки сыграл в "Иркутской истории" роль Сергея (в паре с К.Лавровым), был очень интересен в роли простого, влюбленного парня, но событием его исполнение не стало, как и спектакль в целом. Началась работа в кино. И.М. часто уезжал и когда возникла идея "Горя от ума" (она была связана с И.М. в роли Чацкого), он опоздал к началу репетиций на три (!) недели, снимаясь в прекрасном фильме "Девять дней одного года". Он очень хотел играть Чацкого, просил вернуть его в театр на эту роль, но Художественный совет был непримирим, его не поддержали, кроме опять-таки Казико и Стрельчика.

На роль Чацкого был назначен С.Ю.Юрский, Смоктуновский ушел из театра. Ушел в кино, а не в какой-либо другой театр: Малый возник лет через 10. Не было ссоры, он вообще не умел сориться, скандаля. Только появлялись высказывания против режиссеров, против Г.А.Товстоногова и особенно против Г.М.Козинцева после "Гамлета". Вероятно, он вообще не любил режиссеров, хотя в своей книге он написал, что только благодаря Г.А.Товстоногову сыграл Мышкина. Какие-то отношения все равно продолжались, иногда очень важные. В 1964 году мы пригласили его записать авторский текст к "Поднятой целине". Он охотно согласился, и это было замечательно. Этот неповторимый голос внес в спектакль поэзию и трагизм. А в 1966 году он вернулся к "Идиоту". Спектакль был восстановлен в новой редакции и поехал на гастроли в Англию и Францию. В Англии спектакль прошел триумфально.

Повзрослевший на 9 лет, артист сыграл того же прекрасного Мышкина, может быть, более сдержанно. Весь спектакль был короче, сдержаннее, лаконичнее. Впечатление у тех, кто смотрел спектакль впервые, было огромным. У поклонников первой редакции, конечно, срабатывала сила первого впечатления. Через год И.М. снова появился в театре и просил дать ему роль Тайрона в "Луне для пастухов луны".

Товстоногов тут же предложил ему вернуться в труппу, но Смоктуновский отказался. Он хотел играть только те роли, которые ему были по душе, то есть стать гастролером, что очень модно и распространено сегодня. Но Г.А. ему ответил: "Я не могу ни вас, ни кого-либо другого ставить в особое положение, театр распадется, он будет не таким, как я его представляю". Они расстались. Но в 1971 году И.М. снова записал закадровый текст в нашем "Ревизоре". Надо заметить, что с легкой руки БДТ И.М. все чаще звучал за кадром и в кино и на телевидении.

О Смоктуновском можно говорить бесконечно. Загадочный, неповторимый, тончайший и мною нежно любимый.

О его дальнейшем пути напишут другие. Лично я восхищалась им в кино — особенно в таких ролях, как Деточкин в "Берегись автомобиля", Илья в "Девяти днях одного года" и, конечно, Моцарт. В театре я его почти не видела, но Г.А. очень хвалил его в "Иванове".

Иногда он говорил, что, кроме Мышкина, ничего не сыграл, иногда сравнивал эту роль с рекой, от которой отходили ручейки, иногда бывал доволен собой. Он был переменичив во всем.

В последний раз я его видела в кабинете Г.А.Товстоногова, когда мы отмечали приход Г.А. в БДТ. Иннокентий Михайлович был в прекрасном настроении, очень хорошо говорил о Г.А., был прост и дружелюбен ко всем нам. Он вписал свое имя в мировую историю театра, и я его помню целиком погруженным в творческую работу, результаты которой поражали людей в самом сердце.

● И.С.Смоктуновский в спектакле "Идиот".

